

Пропедевтика классификационного метода в философии религии и религиоведении

К. В. Кринцюс

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Статья посвящена рассмотрению классификационного метода в специфике его приложения к предметной области науки о религии. Формулируются и обосновываются базовые предпосылки предстоящего пропедевтического исследования, определяется его структура, также приводятся и анализируются научные позиции, альтернативные выдвигаемым предпосылкам.

Содержание. В исследовании выявляются методологические основоположения классификационной процедуры, производится логический анализ различий между операциями классификации и типологизации, формулируются дефиниции понятий экстрагации, логического деления, типологии, классификации, каталогизации, а также выделяются и описываются различные виды классификационных процедур. Определяется взаимоположение философии религии и религиоведения в связи с различиями в их целевой и методологической специфике, устанавливается и обосновывается характер их возможного согласования в отношении к классификационно-типологической задаче. В результате этого открывается возможность выстраивания модели оптимального методологического согласования философии религии и религиоведения по принципу их взаимодополняемости при выделении конфессионального множества из единого понятия о религии.

Выводы. В качестве итогового результата формируется модель методологического консенсуса философии религии и религиоведения, приоритетная для классификационно-типологического упорядочения предметной области науки о религии, а также указывается перспектива дальнейших исследований, состоящая в содержательной реализации разработанной модели.

Ключевые слова: классификация, типология, методология, философия религии, религиоведение, религия, логическое деление, методологический консенсус, понятие, явление.

Для цитирования: Кринцюс К. В. Пропедевтика классификационного метода в философии религии и религиоведении // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 3. – С. 184–199. DOI: 10.35231/18186653_2024_3_184. EDN: JMINMD

Original article
UDC 291.14
EDN: JMINMD
DOI: 10.35231/18186653_2024_3_184

Propaedeutics of the Classification Method in Philosophy of Religion and Religious Studies

Kirill V. Krintsius

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The article is devoted to the consideration of the classification method in the specifics of its application to the science of religion subject area. The basic prerequisites of the upcoming propaedeutic research are formulated and justified, its structure is determined, and scientific positions alternative to the proposed prerequisites are also presented and analyzed.

Content. The study identifies the methodological foundations of the classification procedure, performs a logical analysis of the differences between the operations of classification and typologization, formulates definitions of the concepts of extraction, logical division, typology, classification, cataloging, and identifies and describes various types of classification procedures. The mutual position of the philosophy of religion and religious studies is determined in connection with the differences in their target and methodological specifics, the nature of their possible coordination in relation to the classification and typological task is established and justified. As a result, it opens up the possibility of building a model of optimal methodological coordination of the philosophy of religion and religious studies on the principle of their complementarity when separating the confessional multitude from a single concept of religion.

Conclusions. As a final result, a model of methodological consensus of the philosophy of religion and religious studies is formed, which is a priority for the classification and typological ordering of the science of religion subject area, and also indicates the prospect of further research, consisting in the meaningful implementation of the developed model.

Key words: classification, typology, methodology, philosophy of religion, religious studies, religion, logical division, methodological consensus, concept, phenomenon.

For citation: Krintsius, K. V. (2024) Propedevtika klassifikatsionnogo metoda v filosofii religii i religiovedenii [Propaedeutics of the Classification Method in Philosophy of Religion and Religious Studies]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 184–199. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_3_184. EDN: JMINMD

Введение

Историю религиоведения нельзя охарактеризовать принципом линейно-поступательного, бескризисного прогресса знания. Методологическая рефлексия на различных этапах развития религиоведения по-разному проблематизировала цели и средства для данной науки. Однако оставался непререкаемым основной набор наиболее значимых методов, одним из которых всегда был классификационный. Парадигмальная смена в рамках методологического консенсуса вызывала перемены только в области приложения процедуры классификации. Так на начальном этапе ей подвергались сами религии как разновидности общего им всем понятия (Г. В. Ф. Гегель, Э. Гартман, К. П. Тиле, Г. Зибек, И. С. Дрей, Ф. М. Мюллер, Э. Б. Тайлор и др.) [18, с. 208–210; 20, с. 436–438]. Затем, с появлением феноменологии религии, акцент сместился на классификацию религиозных феноменов: учёные, близкие к данному подходу, стремились выделить и сопоставить различные явления религиозности с целью упорядочивающего определения значимых сходств и отличий между ними (подробнее об этом – у А. Н. Красникова). Теперь, на современном этапе, религиоведение уделяет большее внимание актуальной религиозной жизни в обществе, в связи с чем поднимается задача типологизации новых религиозных движений (подробный обзор наиболее зарекомендовавших себя отечественных и зарубежных вариантов типологий НРД см.: [8]). Не менее значимой в этой же связи оказывается задача типологизации религиозных объединений, которая чаще всего решается в рамках социологии религии (подробный обзор вариантов типологий религиозных объединений см.: [11]), а также задача типологизации видов религиозности, которая выполняется по условно-схематическому принципу распределения степени вовлечённости человека в религиозную жизнь – её решение предполагает социальные опросы и обладает высоким диагностическим потенциалом (подробный обзор вариантов типологий религиозности см.: [2]). Нынешний этап характеризуется всевозрастающим интересом к проблемам методологии религиоведения. Как отмечает Е. О. Гаврилов: «... за сравнительно недолгое время существования дисциплины ... она все еще находится в процессе выработки собственного предмета и методологии» [6, с. 98]. Умножающиеся на базе междисциплинарной

распределённости исследовательские подходы приводят науку о религии к необходимости выработки общепризнанного методологического (и терминологического) консенсуса. Особую роль приобретают исследования, направленные на поиск инвариантных принципов для методов, используемых в религиоведении. Здесь же находит своё место и предпринимаемая нами попытка пропедевтического исследования классификационного метода.

Такое исследование не предполагает критического обзора выработанных типологий и классификаций, но имеет целью определение ключевых принципов самого метода в специфике его приложения к предметной области данной науки. Важнейшей особенностью приложения метода в знании о религии является то, что это знание имеет как философскую, так и частнопредметную сторону, и исторически мы располагаем классификационно-типологическими результатами в них обеих. Поэтому нельзя игнорировать то обстоятельство, что методологические процедуры обобщения и деления могут по-разному производиться в философии религии и религиоведении. Стало быть, прежде всего, необходимо выяснить взаимоположение обеих наук в их соотносённости с классификационной задачей.

На счёт отношения философии религии и религиоведения существует столько же научных позиций, сколько может вообще позволить формальная комбинация. Некоторые выступают за необходимость «эмансипации» религиоведения от философии, утверждая, что последняя тормозит развитие науки [7, с. 49], другие отводят философии задачу конструирования целостного представления о религии [13, с. 25]. Существует позиция, что философия религии является базовым разделом религиоведения, а на уровне номенклатуры ВАК, наоборот, религиоведение является философской наукой [3, с. 29]. На наш взгляд, полагание философии религии частью религиоведения некорректно в первую очередь для самой философии, ведь это противоречит её понятию; полагание религиоведения частью философии, напротив, неадекватно для религиоведения, так как вынуждает подстраивать под философию эмпирическую составляющую религиоведения. Поэтому установление отношения принадлежности между ними всегда будет вести к утрате существенных признаков одной из наук. Далее, отведение философии задачи формирования целостного представления

о религии отнимает у религиоведения его собственную целевую специфику, ведь оно превращается в условное наименование для рассыпающегося множества разрозненных подходов, так как если результаты этих подходов скрепляет философия, то сам термин религиоведения оказывается избыточным. Правда, можно заявить, что всё вместе это могло бы называться религиоведением, но тогда философия будет полагаться его частью и мы снова вернемся к предыдущему аргументу. Позиция, согласно которой наука о религии должна быть «эмансипирована» от философии, логически непротиворечива, но её обедняющий примитив гораздо хуже, чем всё вышеперечисленное. Среди всего прочего религия выступает формой знания (хоть и ненаучного) о мире и месте человека в нём, и именно философия способна достичь понимания религии в этом аспекте её мировоззренческой тотальности, не впадая в редукционистское упрощение. Позволим суждение, что адекватно идентифицировать себя, определить свою особенность, наука о религии сможет только на пути координации философии религии и религиоведения (ибо именно к этому предрасполагает её объект [10, с. 128]), и что многие кризисные тенденции здесь обусловлены игнорированием этого обстоятельства, и что определенное преимущество современного отечественного религиоведения кроется в потенциальной силе той конъюнкции, которая соединяет обе части наименования нашей научной специальности («Философия религии и религиоведение»).

Итак, в содержательной части исследования будем исходить из предпосылки о том, что философия религии и религиоведение связаны отношением не субординации, а координации, и покажем, какой характер их согласования предполагает классификационная задача. Для этого также будет необходимо выявить дистинктивную определённость понятия классификации и отличить его от понятия типологизации. Порой эти две процедуры вообще не различают. Например, в философском словаре под редакцией И. Т. Фролова данные понятия слиты [19, с. 200, 483]. Но обычно типологизацию понимают как вид классификации с «нестандартным» логическим делением или как вид деления, в котором допустимо нарушение первых двух правил деления, и в этой связи типологию называют «нестрогой классификацией»; классификацию понимают как вид деления,

признаком которого является многоступенчатость, разветвлённость, а типологию – как разновидность классификации (следовательно, подвид деления), производимой над нечёткими множествами объектов [9, с. 339]. Понятие нечёткого множества предполагает здесь, что признаки деления недискретно распределены между объектами, т. е. типология как классификация над нечёткими множествами – это деление, в котором не могут выполняться первые два его правила: (1) *соразмерности* логического объёма понятия рода и суммы логических объёмов понятий выделяемых из него видов (так как объёмы видов пересекаются) и (2) *взаимоисключения* объёмов понятий выделяемых видов (по той же причине). Однако такое понимание неудовлетворительно. Логическое деление есть операция *определения* объёма понятия. Первые два правила деления есть не просто какие-то рекомендации, но необходимые условия адекватного выполнения процедуры, и если они не выполняются, то объём понятия определяется неверно, следовательно, операции, которые им не следуют, не должны относиться к делению, поэтому типология не есть деление, следовательно, она также не есть и классификация. К такому же пониманию приходят некоторые исследователи, например, В. Б. Першин и И. В. Першина [14, с. 55]. Определение классификации как разветвлённого деления также не совсем удачно. Поэтому наше пропедевтическое исследование должно выработать дефиниции понятий логического деления, классификации и типологизации.

Задача эта отнюдь не является абстрактной, потому как от её решения зависит правильность операционального распределения методов в науке о религии. Через это содержательная часть исследования предполагает также выведение *оптимальной модели* согласования философии религии и религиоведения относительно классификационно-типологической процедуры.

Содержание исследования

Право быть логическое деление обретает в предполагаемом условии соответствия его результата конкретному множеству, которое характеризуется гетерогенностью, но благодаря делению гомогенно упорядочивается. В этом смысле, деление выступает познавательным инструментом относительно реальности, всегда подчинённой (согласно словоупотреблению

Г. Риккерта [16, с. 62]) принципу гетерогенной континуальности. Гносеологическое значение деления, стало быть, состоит в гомогенном преобразовании разнородного (*экстрагация*), благодаря которому последнее становится в качестве особенного постигаемым через общее. Данное значение легитимирует деление как познавательную процедуру, тем самым указывая на род, к которому оно принадлежит, но не указывая на специфику, определяющую *как именно* деление достигает данного гносеологического результата. Результат этот может обретаться двумя различными способами: 1) аналитически, или 2) синтетически. В первом случае конкретное множество постигается общим посредством того, что целое в нём мыслится через части. Во втором случае конкретное множество постигается общим посредством того, что части в нём мыслятся через целое. Аналитический путь начинается с конкретного множества как данности, содержание которой остаётся предельным (сверх него ничего не прибавляется), и начинает мыслить это содержание как многочастное относительно некоторой содержательной целостности – целое открывается через части. Синтетический путь начинается с данности общего, объём которого остаётся предельным, и начинает мыслить этот объём как целое относительно некоего конкретного множества – части здесь открываются через целое.

Имея в виду соответствие экстрагации конкретному множеству, аналитическая процедура исходит из самого этого множества как данности, в рамках которой группирует элементы посредством сокращения содержания их единичных понятий до получения общих им содержательных свойств, совокупность которых образует некоторую модель: идеальный *тип*, в рамках которого обособляются более узкие подмножества с обобщёнными содержательными признаками. Когда извлечение типа производится над реальным множеством объектов, понятийное содержание каждого из этих объектов не может быть зафиксировано, так как они представляет собой конкретные (разнородные в самих себе) единичности. Следовательно, экстрагирование общих содержательных признаков не может полагаться в рамках гомогенности, но всегда будет предполагать разнородное распределение свойств между объектами множества. Извлечённый тип являет здесь некоторую совокупность общих признаков, которая неравномерно распределена

в рамках подмножества, так что элементы его всегда могут соответствовать типу лишь в той или иной степени. Описанная процедура есть *процедура типологизации*.

Имея в виду соответствие экстрагации конкретному множеству, синтетическая процедура исходит из абстрактного общего как данности, в рамках которой выделяет элементы посредством приращения содержания к общему понятию, объём которого через это сокращается, образуя *виды*, последовательное выделение групп которых имеет вектор движения от общего к особенному, где в качестве первого выступает понятие, а в качестве второго – соответствующее ему множество единичностей. Последнее определяется из первого, следовательно, может быть выявлено лишь с точки зрения, хоть и содержательно обогащённой, но однородности, поэтому в реальном множестве исходное понятие освещает только ту сторону конкретного, которая может быть абстрактно разделена (но не распределена) между объектами. Если, в случае с типом, реальные объекты приближаются к идеальной модели (в пределе, почти никогда не достигая её абстрактной чистоты), то в случае с видом, идеальное понятие приближается к реальным объектам (в пределе, почти никогда не достигая их конкретной многосторонности). Стало быть, объектное множество полагается здесь как результат разработки понятия, следовательно, с точки зрения познавательной процедуры, синтетическое экстрагирование выглядит как операция по определению того, что входит в общепонятийный объём. Поэтому описанная процедура есть операция *логического деления*.

Теперь, имея понятие логического деления, можно определить его разновидности. Всякое деление предполагает наличие делимого и делителя. Делимым в логическом делении выступает объём понятия. Рассмотрим делитель. Им выступает некий содержательный признак, называемый основанием деления. Как известно ещё от Аристотеля [1, с. 351–355], существует четыре вида предикатов относительно субъекта: 1) определение (взаимозаменяемое существенное сказуемое), 2) род (невзаимозаменяемое существенное сказуемое), 3) собственное (взаимозаменяемое несущественное сказуемое), 4) привходящее (невзаимозаменяемое несущественное сказуемое). В качестве делителя в логическом делении, очевидно,

из всех перечисленных не может выступать только родовой признак. Остаются определение, собственное, привходящее. Однако говорить, что делителем из них выступает само определение, хоть и непротиворечиво, но тавтологично. Поэтому возьмём от этого вида только то, что его отличает от видов собственного и привходящего: он единственный обладает признаком существенности. Тогда скажем, что в качестве делителя могут выступать признаки 1) существенные, 2) собственные и 3) привходящие. Под существенным признаком мы понимаем взаимозаменяемый содержательный признак, без которого понятие не может мыслиться вообще. Под собственным признаком будем понимать взаимозаменяемый содержательный признак, который принадлежит всем объектам, соответствующим понятию, и может быть выведен из существенных признаков, хотя сам не принадлежит к их числу. Под привходящим признаком будем понимать невзаимозаменяемый содержательный признак, который может принадлежать либо всем, либо некоторым объектам, соответствующим понятию, но который не может быть выведен из существенных признаков понятия. В зависимости от того, принадлежит ли такой признак всем или только части вещей, принято также различать неотделяемые и отделяемые привходящие признаки. Заметим, что первые два вида признаков, существенные и собственные, объединяются тем, что являются взаимозаменяемыми, а привходящие признаки являются невзаимозаменяемыми.

Тогда получаем два вида логического деления, в каждом из которых – ещё по два подвида:

1) логическое деление по взаимозаменяемым признакам:

1.1) деление по существенному признаку; 1.2) деление по собственному признаку;

2) логическое деление по невзаимозаменяемым признакам:

2.1) деление по неотделяемому привходящему признаку; 2.2) деление по отделяемому привходящему признаку.

Первый вид деления и следует определять как *классификацию*. Второй – как *каталогизацию*. Классификация производится либо по существенным признакам, либо по собственным. Первый вид классификации будем определять как *естественную классификацию*. Второй – как *искусственную* (ибо собственный признак необходимо сперва вывести из существенного, и только

потом приступать к делению). Обычно искусственной называют классификацию по привходящим признакам. Но мы надеемся, что строгость и последовательность нашего рассмотрения не могут оставлять сомнений именно в таком соотношении понятий, каковое было нами получено. К тому же, сама семантика слов «естественный» и «искусственный» более подходит именно для такого смыслового соответствия, к которому мы пришли.

Итак, экстрагация есть постижение общности как множества, или множества как общности. Экстрагация бывает аналитической и синтетической. Гносеологическая процедура аналитического экстрагирования есть типологизация. Гносеологическая процедура синтетического экстрагирования есть деление. Деление по невзаимозаменяемым привходящим признакам есть каталогизация; деление по взаимозаменяемым непривходящим признакам есть классификация; классификация по существенным признакам пусть называется естественной; классификация по собственным признакам пусть называется искусственной.

Таким образом, были выведены и определены основные виды экстрагации: 1) типологизация, 2) каталогизация по неотделяемым привходящим признакам, 3) каталогизация по отделяемым привходящим признакам, 4) естественное классификационное деление и 5) искусственное классификационное деление.

Теперь перейдём к другому вопросу. Как следует из сказанного во введении, истинное взаимоположение философии религии и религиоведения состоит в том, что они относятся друг к другу как познание сущности к познанию явления, соответственно. Оба вида знания отличаются по характеру преследуемых задач и используемых методов, поэтому между ними не следует устанавливать отношения субординации, гораздо более оправданным будет обратить внимание на вопрос о том, каков порядок их возможного согласования. Тогда, связанные отношением координации, философия религии и религиоведение смогут, скорее, дополнять друг друга своими результатами. Философ религии может обращаться к религиоведению с тем, чтобы узнать, как именно являются и являются ли вообще его определения действительными. Религиовед может обращаться к философии религии с тем, чтобы понять к какого рода сущности относится и существенно ли вообще исследуемое им явление.

Религиоведение отрешает себя от цели сущностного определения религии, но исследует её как явление, нацеливаясь на приращение знания о нём. Философия религии призвана к разработке определения сущности религии. Заявление о принципиальной недостижимости данной цели есть в то же время заявление о капитуляции философии религии в целом. Если дисциплина всё-таки сохраняется, то обретение данного исхода следует полагать возможным. В отношении к этой цели не стоит руководствоваться моделью плюральной магистральности философских подходов, не переносить множественность философий (как результат принципа её беспредпосылочного самоопределения) на саму философию религии; в противном случае, это может приводить к инфляции содержания понятия религии, а также к неадекватному присвоению предметности познаваемого объекта как к следствию методологической гетерономии. Принцип методологического единства философии религии достигается либо в предпосылке абсолютной системы философии, либо в системообразующем подходе беспредпосылочного взаимоопределения предмета и метода в рамках самой же философии религии. Но поскольку философия в целом пока ещё не завершена, надёжнее будет предпочитать второй путь разработке «теории всего». По своей исходной методологической установке он должен быть феноменологически-диалектическим [12, с. 55–56]. Начинать в нём следует с выявления внутренней системообразующей оппозиции религии, которая свойственна только ей, и далее, дать полное диалектическое раскрытие оппозиции, такое, чтобы оно оказалось, в конечном счёте, самораскрытием понятия религии. Для этого системообразующая оппозиция должна браться не извне предметной области религии, а изнутри. Термины оппозиции должны быть не противоречащими, а противоположными. Их противоположность должна охватывать религию в целом, существенное в ней должно замыкаться ими, так что сами они будут пограничными по отношению к нему. Их диалектическое взаимоотношение будет обуславливать религиозность как таковую, так что взятые отдельно они уже не смогут ей принадлежать иначе, чем границы. Поиск такой оппозиции не входит в задачи наличного исследования, где мы сосредоточены на формальной стороне вопроса, однако можем сказать, что работа над этим вопросом ведётся. Диалекти-

ческая разработка найденных понятий будет с необходимостью приводить к сущностному определению религии.

Как отмечает классиолог М. П. Покровский: «Любая корректная классификация должна иметь внятное определение классифицируемого множества» [15, с. 235]. Классификация всегда исходит из понятия, рассматривая элементы его содержания как основания деления объёма. При этом она осуществляется только по существенным и собственным признакам. Цель по определению и выведению таких признаков берёт на себя философия религии. Религиоведение использует функциональные, рабочие определения религии, рассматривая её не как идеальную сущность, но как реальное явление [17, с. 140]. В такого рода определениях могут наличествовать привходящие признаки, такие, например, как «государственная», «мировая» и т. п. Разделение по таким признакам является научно-прикладной каталогизацией, но не классификацией. Поэтому для религиоведения, по необходимости отрешающего себя от задачи сущностного определения своего основного объекта, нет повода тратить силы на разработку классификации в строгом смысле слова. Однако эту роль может исполнить философия религии. Её назначение в том, чтобы выработать сущностное определение религии как таковой, и сделав это, она сможет классификационно его разделить. Философия, конечно, может обращаться и к типологизации, исходить из реального множества религий, сравнивать их и группировать по общим признакам. Но если она таким образом исходит из явления, то ничем уже тогда не отличается от религиоведения, ведь философия обладает специфическими методами именно в сфере рассмотрения понятий и идей, их мысленных соотношений, но для эмпирических исследований у нее каких-то особых, свойственных только ей методов, нет. Религиоведение может работать над анализом явлений религии гораздо лучше, чем философия. Философия может работать над синтезом понятия религии гораздо лучше, чем религиоведение. Поэтому приоритетная модель их согласования может заключаться в том, что философия религии будет брать классификационную задачу, а религиоведение – типологическую.

В большинстве религиоведческих исследований используется процедура типологизации, тогда как в философских

преимущественна классификация. Этот научно-исторический факт доказывает то соотношение, которое мы выяснили теоретически. К нему с различных сторон подходят некоторые исследователи. Особенно ясным это является для такого раздела религиоведения как социология религии, во многом благодаря тому, что один из её основателей, М. Вебер, дал удивительно чёткое определение типа [5, с. 388–389]. Из этого определения становится ясно, что социологии религии следует предпочитать типологизирующее мышление классифицирующему. Как на свершившийся исторический факт на это указывает Е. Н. Васильева: «В социологии религии именно типологии получили более широкое применение, нежели классификации...» [4, с. 55]. Но в целом, это релевантно для всего религиоведения: мыслить целое через части, анализировать.

Итак, сперва мы установили, что между философией религии и религиоведением должно быть положено отношение не субординации, а координации. Далее мы говорили о том, что, взятые сами по себе, типологизация и классификация не достигают полного соответствия абстрактного единства конкретному множеству, так что в случае с типом реальные объекты только приближаются к идеальной модели, но почти никогда не достигают чистоты её абстракции, а в случае с видом идеальное понятие приближается к реальным объектам, но почти никогда не покрывает их конкретной многосторонности. Следовательно, можно сказать, что взятые вместе классификация и типология могут взаимодополнять друг друга, реализуя общую цель. Мы пришли к тому, что процедура классификационного деления адекватна назначению философии религии, в то время как религиоведению соответствует типологизация.

Выводы

Из всего этого выстраивается совершенно определённая модель согласования философии религии и религиоведения в отношении к цели экстрагации их основного объекта. Она складывается из обобщения результатов всего предшествующего исследования. Поэтому в качестве завершающего вывода мы предложим её краткое описание.

Удовлетворяющая принципу автономного единства в подходе беспредпосылочного взаимоопределения предме-

та и метода, философия религии, исходя из предварительно найденной системообразующей оппозиции, разрабатывает феноменолого-диалектическое определение понятия сущности религии. Содержательные элементы понятия полагаются как основания деления по существенным признакам. Снятые в предшествующем процессе диалектического вывода, моменты понятия также сохраняются, но уже в качестве собственных признаков для дальнейшего подразделения. Осуществляется естественное и искусственное классификационное деление по существенным и собственным признакам, соответственно. Извлечённое множество видовых понятий классификации полагается в качестве множества возможных типов для дальнейшего религиоведческого анализа. Исследование переходит ко второй части, в рамках которой религиоведческий анализ группирует фактическое множество религиозной предметности относительно данных типов, рассматривая характер распределения типических свойств в множестве. Если данная религиоведением типология оказывается состоятельной, то выступает также в роли доказательства относительно философской классификации и стоящей за ней дефиниции. Если данная философией классификация оказывается доказанной, то она выступает в роли гаранта сущности относительно дальнейших религиоведческих исследований.

Перспектива дальнейшего развития полученных результатов состоит в последовательной реализации описанной выше модели.

Список литературы

1. Аристотель. *Топика* // Аристотель. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2 / под ред. З. Н. Микеладзе. – М.: Мысль, 1978. – С. 347–531.
2. Баев П. А. Религиозное и нерелигиозное сознание российского общества эпохи перемен: проблемы типологизации // *Вестник Адыгейского государственного университета*. – 2010. – № 1. – С. 148–159. EDN: LIMKBH
3. Бойцова О. Ю., Крупник И. Л., Яблоков И. Н. Российское религиоведение в цифровую эпоху // *Вопросы философии*. – 2022. – № 1. – С. 19–29. EDN: GHAAJK
4. Васильева Е. Н. Типология религиозных объединений: методология и современные направления развития // *Вестник Волгоградского государственного университета*. – 2015. – Т. 28. – № 2. – С. 54–61. EDN: UJWDMN
5. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 345–415.
6. Гаврилов Е. О. В поисках методологических оснований изучения религии // *Вестник КемГУК И*. – 2013. – № 25. – С. 97–104. EDN: RXGQHF
7. Забияко А. П. Религиоведение как строгая наука // *Концепт: философия, религия, культура*. – 2019. – Т. 11. – № 3. – С. 47–64. EDN: DKGUZV

8. Зудов Е. В. Новые религиозные движения: проблема типологизации // KANT. – 2019. – Т. 31. – № 2. – С. 224–232. EDN: GERQVP
9. Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.
10. Косиченко А. Г. Методология религиоведения в контексте естественнонаучных и социогуманитарных исследований // Адам әлемі. – 2022. – Т. 93. – № 3. – С. 120–132.
11. Лебедева Н. Б. Типология религиозных объединений в отечественной и зарубежной социологии религии // Вестник ВолГУ. – 2007. – № 6. – С. 30–34. EDN: KWOOPJ
12. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». – М.: Издательский Дом ЯСК, Гнозис, 2022. – С. 53–261.
13. Митрохин Л. Н. Философия религии. Опыт истолкования Марковского наследия. – М.: Республика, 1993. – 416 с.
14. Першин В. Б., Першина И. В. Классификация и типология: логико-методологический анализ // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2017. – Т. 14. – № 14. – С. 5–8. EDN: YNHLBQ
15. Покровский М. П., Васильева Е. Н. Как возможна классификация религий // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 230–247. EDN: BWEZZT
16. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / пер. с нем. под ред. А. Ф. Зотова. – М.: Республика, 1998. – С. 43–128.
17. Смирнов М. Ю., Бокова О. А. Методология религиоведения как проблема // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2017. – № 3. – С. 133–147. EDN: ZOWKZN
18. Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 1 / пер. с англ., нем., фр.; под ред. А. Н. Красникова. – М.: Канон+, 1996. – 496 с.
19. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1987. – 590 с.
20. Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. – СПб.: Платоновское философское общество, 2017. – 508 с.

References

1. Aristotel'. (1978) Topika [Topics]. *Sobranie sochinenij v 4 tomach*. T. 2 [Collected works. In 4 vols. Vol. 2]. Moskva: Mysl'. Pp. 347–531.
2. Baev, P. A. (2010) Religioznoe i nereligioznoe soznanie rossijskogo obshchestva epokhi peremen: problemy tipologizatsii [Russian society religious and non-religious consciousness in the era of change: problems of typology]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Adygeya state univ. bulletin]. No. 1. Pp. 148–159. (In Russian). EDN: LIMKBH
3. Vojtsova, O. Yu., Krupnik, I. L., Yablokov, I. N. (2022) Rossijskoe religiovedenie v tsifrovuyu epokhu [Russian religious studies in the digital era]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. No. 1. Pp. 19–29. (In Russian). EDN: GHAAJK
4. Vasil'eva, E. N. (2015) Tipologiya religioznykh ob'edinenij: metodologiya i sovremennye napravleniya razvitiya [Typology of religious associations: methodology and modern development directions]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Volgograd state univ. bulletin]. Vol. 28. No. 2. Pp. 54–61. (In Russian). EDN: UJWDMN
5. Veber, M. (1990) "Ob"ektivnost'" sotsial'no-nauchnogo i sotsial'no-politicheskogo poznanija ["Objectivity" of socio-scientific and socio-political knowledge]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moskva: Progress. Pp. 345–415. (In Russian).
6. Gavrilov, E. O. (2013) V poiskakh metodologicheskikh osnovanij izucheniya religii [In search of methodological foundations for the study of religion]. *Vestnik KemGUKI* [KemGUKI bulletin]. No. 25. Pp. 97–104. (In Russian). EDN: RXGQHF
7. Zabayako, A. P. (2019) Religiovedenie kak stroгая nauka [Religious studies as a strict science]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: Philosophy, Religion, Culture]. Vol. 11. No. 3. Pp. 47–64. (In Russian). EDN: DKGUZV
8. Zudov, E. V. (2019) Novye religioznye dvizheniya: problema tipologizatsii [New religious movements: the problem of typology]. *KANT*. Vol. 31. No. 2. Pp. 224–232. (In Russian). EDN: GERQVP

9. Ivin, A. A., Nikiforov, A. L. (1997) *Slovar' po logike* [Dictionary of logic]. Moskva: Gumanitarnyj izdatel'skij tsentr VLADOS. (In Russian).

10. Kosichenko, A. G. (2022) Metodologiya religiovedeniya v kontekste estestvennonauchnykh i sotsiogumanitarnykh issledovanij [Methodology of religious studies in the context of natural science and socio-humanitarian researches]. *Adam ñlemi*. Vol. 93. No. 3. Pp. 120–132. (In Russian).

11. Lebedeva, N. B. (2007) Tipologiya religioznykh ob"edinenij v otechestvennoj i zarubezhnoj sotsiologii religij [Typology of religious associations in domestic and foreign sociology of religion]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Volgograd state univ. bulletin]. No. 6. Pp. 30–34. (In Russian). EDN: KWOOPJ.

12. Losev, A. F. (2022) Dialektika mifa [Dialectics of myth]. *Dialektika mifa. Dopolnenie k "Dialektike mifa"* [Losev, A. F. Dialectics of myth. Supplement to "Dialectics of Myth"]. Moskva: Izdatel'skij Dom YASK, Gnozis. Pp. 53–261. (In Russian).

13. Mitrokhin, L. N. (1993) *Filosofiya religii. Opyt istolkovaniya Marksova naslediya* [Philosophy of religion. Experience in interpreting Marx's heritage]. Moskva: Respublika. (In Russian).

14. Pershin, V. B., Pershina, I. V. (2017) Klassifikatsiya i tipologiya: logiko-metodologicheskij analiz [Classification and typology: logical and methodological analysis]. *Vestnik Nizhegorodskoj pravovoj akademii*. Vol. 14. No. 14. Pp. 5–8. (In Russian). EDN: YNHLBQ

15. Pokrovskij, M. P., Vasil'eva, E. N. (2022) Kak vozmozhna klassifikatsiya religij [How classification of religions is possible]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. Pp. 230–247. (In Russian). EDN: BWEZZT

16. Rikkert, G. (1998) Nauki o prirode i nauki o kul'ture [Sciences about nature and sciences about culture]. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture*. Transl. from German, ed. by. Zotov, A. F.J. Moskva: Respublika. Pp. 43–128. (In Russian).

17. Smirnov, M. Yu., Bokova, O. A. (2017) Metodologiya religiovedeniya kak problema [Methodology of religious studies as a problem]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. Pp. 133–147. (In Russian). EDN: ZOWKZN

18. Krasnikov, A. N. (1996) (ed.) *Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya. T. 1* [Classics of world religious studies. Anthology. Vol. 1]. Moskva: Kanon+. (In Russian).

19. Frolov, I. T. (1987) (ed.) *Filosofskij slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moskva: Politizdat, (In Russian).

20. Smirnov, M. Yu. (2017) (ed.) *Entsiklopedicheskij slovar' sociologii religij* [Encyclopedic Dictionary of Sociology of Religion]. Sankt-Peterburg.: Platonovskoe filosofskoe obshchestvo. (In Russian).

Об авторе

Кринциос Кирилл Викторович, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009–0007–3046–039X, e-mail: kkrincus@gmail.com

About the author

Kirill K. Krintsius, postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009–0007–3046–039X, e-mail: kkrincus@gmail.com

Поступила в редакцию: 21.05.2024
Принята к публикации: 27.06.2024
Опубликована: 17.09.2024

Received: 21 May 2024
Accepted: 27 June 2024
Published: 17 September 2024